

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ PLAYBOY

Playboy, September 1968 [2018 — пер. [aleksei-turchin](#)]

Playboy: *«Одиссею» окружает множество споров, связанных со значением метафизических символов, которыми изобилует фильм. Чёрные монолиты; связь Земли, Луны и Солнца на каждом из этапов вмешательства этих монолитов в судьбу человечества; потрясающий финальный водоворот-калейдоскоп времени и пространства, который поглотил выжившего астронавта и создал основу для его перерождения в «звёздное дитя», дрейфующее в сторону Земли в полупрозрачной оболочке. Кто-то из критиков даже назвал «Одиссею» «первым ницшеанским фильмом», основная тема которого — ницшеанская концепция эволюции людей от обезьяны к человеку и далее к сверхчеловеку. В чём же состоит метафизический посыл «Одиссеи»?*

Кубрик: Посыл фильма не обличён в словесную форму. «Одиссея» — прежде всего невербальный опыт. Из почти ста пятидесяти минут фильма лишь в сорока есть диалоги. Я стремился создать визуальное переживание, чьё эмоциональное и философское содержание уклонилась бы от вербализированной классификации и проникло непосредственно в подсознание. По МакЛюэну (прим. — Герберт Маршалл МакЛюэн, канадский философ), в «Одиссее» сама среда является посланием. Я хотел, чтобы фильм был максимально субъективным опытом, затронувшим глубинный уровень сознания зрителя, как это делает музыка. Ведь «объяснить» симфонию Бетховена — значит просто кастрировать её и создать искусственный барьер между пониманием и восприятием. Вы можете строить какие угодно предположения о философском или иносказательном смысле фильма — и это ли не свидетельство того, что фильм захватил зрителя на глубинном уровне — но я не хотел озвучивать некую словесную «дорожную карту» по «Одиссее», которая навязала бы зрителю некий маршрут и чувство страха, что он что-то пропустит. Я думаю, успех «Одиссеи» в том, что она охватила широкие круги населения, которые раньше не задумывались над судьбой человечества, его роли во Вселенной и отношениями с высшими формами жизни. Но даже если вы довольно эрудированны, некоторые из заложенных в «Одиссею» идей, представленных в виде абстракций, покажутся безжизненными и сразу причислятся к каким-то подходящим интеллектуальным категориям. Однако, будучи пережитыми через визуальный или эмоциональный контекст, они могут тесно переплестись с чьими-то глубинными фибрами.

Playboy: *Не выдавая зрителям философскую «дорожную карту» по «Одиссее», можете поделиться собственным пониманием фильма?*

Кубрик: Нет! По причинам, которые я только что озвучил. Как сильно мы сегодня ценили бы «Джоконду», напиши Леонардо внизу холста: «Эта леди улыбается лишь слегка, потому что у неё гнилые зубы», или «Они скрывает секрет от своего возлюбленного». Это отключило бы зрительское восприятие и приковало его к «реальности», отличной от его собственной. Я не хочу, чтобы это случилось с «Одиссеей».

Playboy: *Артур Кларк так отозвался о фильме. «Если хоть кто-то понял его после первого просмотра — мы потерпели неудачу». Почему зритель должен пересматривать фильм, чтобы понять его посыл?*

Кубрик: Я не согласен с таким утверждением и думаю, что Артур просто пошутил. Сама природа визуального переживания «Одиссеи» состоит в том, чтобы дать зрителю мгновенную, интуитивную реакцию, которая не требует — и не должна требовать — дополнительного развития. В целом, хочу сказать, что в каждом хорошем фильме есть такие составляющие, которые увеличили бы зрительский интерес и понимание после второго просмотра. Скорость, с которой развиваются события фильма, иногда препятствуют тому, чтобы каждая деталь или нюанс оказали

полное влияние уже при первом просмотре. Сама идея того, что фильм должен быть просмотрен лишь раз, проистекает из нашего традиционного понятия фильма как мимолётного развлечения, а не произведения искусства. Мы же не считаем, что какое-нибудь прекрасное музыкальное произведение нужно послушать только раз, или лишь раз увидеть хорошую картину; даже хорошую книгу никто не читает только раз. До совсем недавнего времени фильмы были свободны от категории «искусство», и я рад, что ситуация начинает меняться.

Playboy: Говоря о том, что же это такое было — если позволите, мы вернёмся к философской интерпретации «Одиссеи» — что вы скажете о мнении той части критиков, что назвала фильм глубоко религиозным?

Кубрик: Я скажу, что концепция Бога лежит в самом сердце «Одиссеи», но это не традиционный антропоморфный образ Бога. Я не верю ни одной из монотеистических религий на Земле, но верю, что можно выстроить интригующее научное определение Бога. Просто представьте, что только в нашей галактике где-то 100 млрд звёзд, и каждая звезда — это свет, что даёт жизнь. И только в видимой части вселенной где-то 100 млрд галактик. Дайте не сильно горячей и не сильно холодной планете стабильную орбиту; дайте несколько миллиардов лет химических реакций, возникших из взаимодействия солнечной энергии и химических элементов самой планеты, и в конечном итоге в той или иной форме там возникнет жизнь. Вполне разумно предположить, что существует бесчисленное множество планет, на которых возникла биологическая жизнь, часть из которой развилась в жизнь разумную. Во вселенной, вероятно, существуют миллиарды планет, где разумная жизнь на более низком в сравнении с нашим уровне. Но другие миллиарды находятся на таком уровне, до которого нам стони и тысячи миллионов лет эволюции. Только представьте: если всего за несколько тысячелетий человек сделал просто гигантские технологические шаги — всего за какие-то секунды в хронологии вселенной — какого эволюционного развития могли добиться более древние формы жизни? Они могли продвинуться от биологических видов — хрупких вместилищ для разума — до бессмертных механических существ, а потом, через бесчисленную вечность, выйти из «куколки» материи и стать существами из чистой энергии и духа. Их потенциал был бы безграничен, а интеллект непостижим людьми.

Playboy: Если такие создания существуют — почему они должны нами интересоваться?

Кубрик: А они и не должны. Но мы же интересуемся микробами? Мотивы этих существ были бы для нас столь же недоступны, как и их разум.

Playboy: В «Одиссее» такие бесплотные существа, похоже, манипулируют нашей судьбой и контролируют нашу эволюцию. И остаётся неясным, делается это во благо, или во зло. Или и то, и другое. Или ни то и не другое. Неужели вы считаете возможным, что для таких созданий мы всего лишь игрушка?

Кубрик: Ничего я такого не считаю, как я могу? Простое предположение об их возможном существовании уже само по себе довольно подавляет, не говоря уже о попытках дешифровать их мотивы. Важным моментом состоит в том, что все стандартные атрибуты, которые в нашей истории присваивают Богу, могут в той же самой степени быть присвоены биологическим сущностям, которые миллиарды лет назад были на той же ступени развития, что и современное человечество, и превратились во что-то настолько же отдалённое от нас, насколько мы отдалены от того первобытного болота, в котором мы возникли.

Playboy: Вы упомянули о возможном существовании миллиардов планет, жизнь на которых значительно более развита, чем наша, но ещё не перешла на не- или сверхбиологическую форму. Каким вы видите эффект от контакта землян с такой богоподобной и технологически превосходящей нас расой?

Кубрик: Среди философов и учёных на этот счёт существует очень много мнений. Некоторые считают, что столкновение с технологически превосходящей нас цивилизацией — даже если их технологии и будут нам понятны — произведут эффект культурного шока, исключив нас из самодовольного эгоцентризма и разрушив заблуждение, что мы — центр вселенной. Эту позицию подытожил Карл Юнг (прим. — основатель аналитической психологии), так описав контакт с продвинутой внеземной жизнью: «Поводья будут вырваны из наших рук и мы, как мне когда-то сказал один знахарь, окажемся лишёнными мечтаний. Все наши интеллектуальные и духовные устремления окажутся настолько устаревшими, что мы будем просто парализованы». Лично я эту позицию не разделяю, но она широко распространена и не может быть бесцеремонно отвергнута.

Например в 1960-ом году Брукингский институт (прим. — один из старейших аналитических центров США) подготовил для NASA доклад, в котором говорилось, что даже косвенный контакт — т.е. чужеродные артефакты, которые вполне могут быть найдены в результате нашей исследовательской деятельности на Луне, Марсе или Венере, или через радиокontakt с межзвёздной цивилизацией — может вызвать серьёзный психологический сдвиг. Исследование содержало следующее предупреждение: «Антропология содержит немало примеров обществ, некогда уверенных в своём месте во вселенной, которые распались после контакта с ранее неизвестными им обществами, придерживавшихся других идей и другого жизненного пути; другим удалось пережить такой опыт, но им пришлось уплатить высокую цену и изменить свои ценности и поведение».

Был сделан вывод о том, что контакт с разумной жизнью может произойти в любой момент, а т.к. последствия такого открытия «в настоящий момент непредсказуемы», было бы желательно, чтобы правительство продолжило изучение психологического и интеллектуального воздействия от столкновения с внеземной жизнью. Я не знаю, что за действия были предприняты после доклада, но я предполагаю, что в настоящее время такие исследования ведутся. Конечно, отрицать возможный негативный эффект на некоторых людей нельзя, но лично я посмотрел бы на такой контакт с огромным воодушевлением и неподдельным интересом. Вместо того, чтобы разрушить наше общество, контакт его безмерно бы обогатил.

Ещё один положительный момент заключается в предположении, что каждая разумная жизнь на определённом этапе своего технологического развития должна открыть ядерную энергию. Это очевидный водораздел для любой цивилизации: найдёт ли она способ использовать её не для разрушения, а для мирных целей; или же она уничтожит саму себя. Я бы предположил: если цивилизация существует уже 1 000 лет после открытия ядерной энергии — значит она придумала способ ужиться с бомбой. Это может дать нам очень обнадеживающий сигнал, а также дать конкретные рекомендации, как нам выжить. В любом случае, раз уж культурный шок неизбежен, я считаю, что человеческое внимание весьма кратковременно; через неделю-другую чрезмерной взволнованности в газетах и на телевидении, общественный интерес спадёт и ООН — или иной орган, который у нас тогда будет — вступит с пришельцами в переговоры.

Playboy: Вы утверждаете, что пришельцы будут миролюбивы. Почему?

Кубрик: А почему высокоразвитая раса должна желать нам вреда? Если бы разумный муравей у моих ног внезапно написал на песке, «Я разумен. Давайте поговорим», сомневаюсь, что я захотел бы размазать его своим каблуком. Но даже если они не сверхразумны, но более разумны, чем мы, я бы больше склонялся к доброжелательности или хотя бы беспристрастности. Поскольку маловероятно, что нас посетят существа из нашей собственной солнечной системы, любое общество, способное на путешествие через световые годы, будет иметь чрезвычайно высокую степень контроля над материей и энергией. Следовательно, какие у них есть возможные мотивы для ненависти? Украсть наше золото, нашу нефть или уголь? Трудно представить какие-то неприятные намерения, которые оправдали бы длительное и сложное путешествие с другой звезды.

Playboy: Вас обвиняют в том, что в своих фильмах вы демонстрируете сильную враждебность к индустриализированному демократическому Западу и особый антагонизм к автоматизации. Ваши критики утверждают, что это было особенно заметно в «Одиссее», где главный злодей — компьютер HAL-9000 — был в некотором смысле единственным человеческим существом. Вам не кажется, что люди уподобляются роботам, а роботы становятся похожими на нас? Вы не видите возможную борьбу между ними?

Кубрик: Во-первых, я совсем не враждебен к машинам, даже наоборот. Но у меня нет никаких сомнений, что мы вступаем в век механархии и что наши уже и без того сложные отношения с машинами станут ещё сложнее по мере того, как машины будут становиться всё более и более разумными. Вполне возможно, что нам придётся делить планету с машинами, чей интеллект и возможности будут намного превосходить наши собственные. Но наши взаимоотношения — если человек грамотно всё настроит — могут возыметь несоизмеримо обогащающий эффект на общество.

Заглядывая в далёкое будущее, я полагаю, совсем не исключено, что полусинтетическая робо-компьютерная субкультура однажды решит, что больше не нуждается в людях. Вы наверняка слышали историю о суперкомпьютере будущего: несколько месяцев учёные думали над первым вопросом, пока не задали такой: «Есть ли Бог?». Какое-то мгновение компьютер пожужжал, померцал огнями и выскочила карточка с ответом: «Это он и есть». Но это проблема далека и я среди ночи не просыпаюсь, обеспокоенным этим. Я убеждён, что наши тостеры и телевизоры полностью одомашнены, но вот в телефонных сетях я не уверен: иногда мне кажется, что там какая-то злобная форма жизни.

Playboy: Если в жизни нет никакой цели, стоит ли жить?

Кубрик: Да, для тех из нас, кто планирует как-то смириться со смертностью. Сама бессмысленность жизни заставляет людей создавать свой собственный смысл. Дети начинают жизнь с незапятнанным чувством удивления, способностью испытывать абсолютную радость от чего-то столь же простого, как свежесть лепестка. Взрослея, они узнают о смерти, и это отражается на их сознании и неуловимо разъедает их радость жизни, их идеализм и предположение о бессмертии. Когда ребёнок вырастает, он видит повсюду вокруг себя смерть и боль, и начинает терять веру в человеческую доброту. Но если он достаточно силён — и удачлив — он может выйти из этих сумерек души и переродить жизненный импульс. Одновременно и из-за, и наперекор своему знанию о бессмысленности жизни, он может придумать новый смысл своего предназначения. Он уже не повторит того чистого чувства чуда, с которым он родился, но он может создать что-то намного более устойчивое и долговечное. Самый страшный факт о вселенной не в том, что она враждебна, а в том, что она безразлична. Но если мы сможем смириться с этим безразличием и принять вызовы жизни, ограниченной смертью — наше существование как вида может иметь подлинный смысл и завершённость. Какой бы громадной ни была тьма, мы должны источать собственный свет.

Playboy: Will we be able to find any deep meaning or fulfillment, either as individuals or as a species, as long as we continue to live with the knowledge that all human life could be snuffed out at any moment in a nuclear catastrophe?

Kubrick: We must, for in the final analysis, there may be no sound way to eliminate the threat of self-extinction without changing human nature [вероятно, нет надежного способа устранить угрозу самоуничтожения без изменения человеческой природы, естества — пер. Н.Д.]; even if you managed to get every country disarmed down to the bow and arrow, you would still be unable to lobotomize either the knowledge of how to build nuclear warheads or the perversity that allows us to rationalize their use. Given these two categorical imperatives in a disarmed world, the first country to amass even a few weapons would have a great incentive to use them quickly. So an argument might be made that there is a greater chance for some use of nuclear weapons in a totally disarmed world, though

less chance of global extinction; while in a world armed to the teeth, you have less chance for some use — but a great chance of extinction if they're used. If you try to remove yourself from an earthly perspective and look at this tragic paradox with the detachment of an extraterrestrial, the whole thing is totally irrational. Man now has the power in one mad, incandescent moment, as you point out, to exterminate the entire species; our own generation could be the last on earth. One miscalculation and all the achievements of history could vanish in a mushroom cloud; one misstep and all of man's aspirations and strivings over the millennia could be terminated. One short circuit in a computer, one lunatic in a command structure and we could negate the heritage of the billions who have died since the dawn of man and abort the promise of the billions yet unborn — the ultimate genocide. What an irony that the discovery of nuclear power, with its potential for annihilation, also constitutes the first tottering step into the universe that must be taken by all intelligent worlds. Unhappily, the infant-mortality rate among emerging civilizations in the cosmos may be very high. Not that it will matter except to us; the destruction of this planet would have no significance on a cosmic scale; to an observer in the Andromeda nebulae, the sign of our extinction would be no more than a match flaring for a second in the heavens; and if that match does blaze in the darkness, there will be none to mourn a race that used a power that could have lit a beacon in the stars to light its funeral pyre. The choice is ours.

Конец текста